Девушка в зеркале (сборник)

Автор:
Сесилия Ахерн

Девушка в зеркале (сборник)

Сесилия Ахерн

В ярком, пронизанном эмоциями мире Сесилии Ахерн всегда есть место волшебству. Самые обычные, повседневные предметы – дом, сломанная печатная машинка «Ундервуд», старинное зеркало – вдруг оказываются наделенными магической силой, способной сыграть роковую роль в жизни героев. Впрочем, мистика и чудеса – еще не главное, сами по себе они ничего не решают, и право выбора всегда остается за героями. На чашу весов ложатся и любовь и преданность их близких. Любовь, тончайшие переливы, оттенки чувств – вот центр притяжения, основное содержание книг этой замечательной писательницы, полных драматических переживаний и романтики…

Сесилия Ахерн

Девушка в зеркале (сборник)

Cecelia Ahern

HERMAN BANKS AND THE GHOST WRITER

GIRL IN THE MIRROR

THE MEMORY MAKER

© Cecelia Ahern, 2011

© Ересько К., перевод на русский язык, 2013

© Макарова М., перевод на русский язык, 2018

© Головина А., перевод на русский язык, 2013

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательская Группа «Азбука-Аттикус», 2018

Издательство Иностранка

Герман Бэнкс и писатель-невидимка

Перевод Ксении Ересько

I

Его звали Герман Бэнкс.

Он унаследовал шесть тысяч долларов от богатой старой тетки по имени Барберелла Вейсман, которую знал лишь по рассказам родителей; пять его сестер и брат и четырнадцать кузенов и кузин тоже никогда в жизни не видели дорогую тетю Эллу, их таинственную молчаливую благодетельницу.

Едва старшему брату Германа, Хэнку – урожденному Генри Бэнксу, – стукнуло восемнадцать, он мигом истратил свою долю, купив подержанный «шевроле», и остался без гроша, поскольку все сбережения и текущие заработки уходили на ремонт. Не таков был Герман. Тремя годами моложе брата, он не сразу получил деньги и свободу – то есть возможность вырваться с фермы в Миссури, где летом собирал кукурузу, зимой ворошил сено, стараясь между делом выкроить время для учебы. В семье за образованием не гнались, но Герман отчаянно

стремился в школу, его привлекали не столько знания, сколько долгие поездки на автобусе, особенно когда за окном заканчивались тошнотворные поля, которые он видел даже во сне. Школа означала свободу, а знания были для него лишь побочным продуктом. В отличие от Хэнка, вечера напролет катавшего девчонок в своей колымаге, Герман даром времени не терял – он наблюдал, ждал, строил планы.

И в восемнадцать лет, получив наконец наследство, он открыл два киоска и принялся торговать свежим апельсиновым соком и сандвичами. А еще – к невыразимому ужасу отца – купил землю под разведение соевых бобов, чтобы полученную прибыль вкладывать в новую перспективную отрасль – компьютерные технологии. Так, шаг за шагом, расчетливый Герман заработал состояние в несколько миллиардов. Даже когда начался экономический спад, его компания «Герман Бэнкс организейшн» приносила годовой доход в два миллиарда по операциям как внутри страны, так и за рубежом. Он занимался торговлей недвижимостью, розничной торговлей, рекламой, владел гостиницами и гольф-клубом и до сих пор не уставал поражаться тому, как элементарное стремление к свободе открывает в человеке скрытые возможности, о которых никто и не догадывался.

Герман был хорошим человеком, его считали честным и справедливым. Младший ребенок в семье, он с детства вынужден был научиться выживать, отражая бесконечные атаки и поучения пяти сестер. Герман был уверен, что именно в те годы набрался умений, позволивших ему в дальнейшем находить подход к людям – а также и к их имуществу. К пятидесяти четырем годам Герман приобрел статус легенды делового мира, жилье в Верхнем Ист-Сайде, остров в Карибском море, особняки в пяти странах. И все же, будучи бизнес-медиамагнатом на пике карьеры и возможным кандидатом в президенты, он не мог отделаться от грызущего его недовольства.

Это чувство не имело ничего общего с беспокойством по поводу сорвавшихся сделок или нестабильности рынка, и даже его брат-неудачник, который вдруг перестал ему докучать и пустился, вероятно, в скитания по улицам Нью-Йорка, продавая душу за дозу героина, был тут ни при чем. Конечно, все это тревожило Германа, но не было главным, равно как и недавнее признание жены, что она вот уже четыре месяца изменяет ему с личным тренером, смазливым потным волосатиком, который приезжал к ним каждое утро и сразу отчего-то не понравился Герману. Герман не хотел знать имени негодяя, вообще не желал думать о нем и боялся даже представить, что он с ним сделает, если тот явится

еще раз. Герман терпеть не мог чувствовать себя глупцом, а его обманули как последнего дурака. Или он и вправду свалял дурака? Он любил жену до умопомрачения. Все вышло как в книгах. Ей было двадцать шесть, и он знал, что его ровесники обыкновенно увлекаются женщинами намного младше себя – это признак кризиса среднего возраста. Даже если Герман и жил в придуманном мире, любовь к жене была совершенно реальная и клятва, что он дал в церкви два года тому назад, была произнесена им от чистого сердца. Ему казалось, что и она его любит. Она говорила об этом прошлой ночью, во время очередного скандала со слезами и взрывами ненависти, терзающими их с тех пор, как открылась ее измена. Жена оправдывалась, что из-за его вечной занятости, увлеченности работой, страсти к обогащению она чувствует себя одинокой, уязвимой и нелюбимой. Он не видит ее, не слушает, думает только о работе. И все в таком духе.

Однако не личные неурядицы лишали его сна, не давали сосредоточиться и отвлекали во время рабочих собраний, а горевшая в нем с юных лет неутолимая страсть. Эта страсть зародилась на сеновале их семейной фермы, где Герман, бывало, лежал, когда, сбежав с ненавистной крестьянской каторги, умудрялся урвать минутку на отдых и погрузиться в мир Хемингуэя, Джойса, Диккенса или Стейнбека. Книги всегда были его отрадой. Он пристрастился к чтению благодаря одному автостопщику, которого отец подобрал по дороге из города и предложил пожить летом у них на ферме, потому что в поле требовались рабочие руки. Это был молодой человек, длинноволосый и бородатый. Борода начиналась у самых глаз и покрывала все лицо, а волосы он заплетал в косу. На вопрос, как его зовут, он, подумав, ответил: «Зовите меня Габриель».

Кроткий Габриель говорил еле слышным голосом, зато в поле работал за двоих, а пронзительный взгляд его голубых глаз заставлял мать заливаться краской, когда она кормила его на кухне. Сестры его очень полюбили, особенно Аннабел, о которой, впрочем, говорили, что она любит всех мужчин в округе. Как-то раз Герман смог лично убедиться, что это не просто сплетни, застав их вдвоем в амбаре: голый зад Габриеля сверкал меж задранных ног Аннабел.

Но не этот случай изменил жизнь Германа. В один из редких свободных дней Габриель отрешенно сидел под яблоней с книгой в руках, взгляд его был устремлен в такие дали, которые трудно было даже вообразить. Он либо не слышал, как подошел Герман, либо слышал, но не отреагировал, поскольку то, что происходило на страницах, было несравнимо важнее. Он не пошевелился, даже не поднял головы, и Герману оставалось лишь сидеть и ждать, пока на

него обратят внимание. Прошло не менее получаса, прежде чем Габриель закончил читать и посмотрел на мальчика – всё тем же рассеянным и мечтательным взглядом, будто и не видел его вовсе, отчего Герману страшно захотелось самому прочитать эту книгу. Ах, если б он только умел переноситься куда-нибудь подальше не сходя с места, тогда его проблемы были бы решены. Книга называлась «Гроздья гнева».

Герман принялся читать, пользуясь любой возможностью уединиться с книгой. Отец был очень недоволен, сестры изводили его насмешками, полагая, что он просто обезьянничает, подражает Габриелю. Мать, его молчаливый союзник, не то чтобы поощряла его увлечение, но, натыкаясь на него в укромном месте, куда он забивался с книгой – здесь присутствовало только его тело, мысли витали в другом месте и уже исчезнувшем времени, – всегда предупреждала сына, если кто-нибудь приближался. Большего ему и не требовалось. Хэнк, вернувшись ночью с очередной гулянки, расталкивал его и заставлял читать вслух. Впрочем, одного запаха перегара было достаточно, чтобы Герман проснулся. Если во время чтения младший брат начинал клевать носом, Хэнк выдергивал из-под него матрац и Герман падал на пол с верха двухъярусной кровати, взбирался обратно и продолжал читать, недоумевая, что это – такая изощренная пытка или брату действительно нравится слушать, как он читает. Теперь, когда им обоим было за пятьдесят, Герман был уверен, что Хэнк не менее чем он любит уноситься в иные миры. Поразительно, насколько они схожи, только Герман выбрал книги, а Хэнк – наркотики и алкоголь.

А тогда ему было только десять. Дойдя до последней страницы, он еще дважды перечитал «Гроздья гнева». Внутри разгорался неутолимый голод, заставлявший его искать книги повсюду. Он рыскал по распродажам, магазинам подержанных товаров, подбирал книги, забытые другими пассажирами в автобусе. Герман читал все подряд. В начале карьеры он даже задумывался, не открыть ли книжный магазин, чтобы без помех читать дни напролет, но потом решил, что это не поможет ему разбогатеть – а именно богатство было его целью. Вряд ли книги могли приносить стабильный доход. Именно тогда он впервые осознал, что хочет не только читать, но и писать.

Частенько ему поступали предложения от издательств, готовых выпустить книгу о его жизни, созданную литературным негром, или писателем-невидимкой. Герман не соглашался. Если уж появится такая книга, то напишет ее он сам, только нужно выбрать время, а его, конечно, всегда не хватает. Кроме того, история его жизни пока не завершена, а уж когда это случится, писать ее станет

слишком поздно.

Да и вообще корпеть над автобиографией казалось Герману занятием недостойным. На прилавках магазинов уже лежали книги с его фотографией и именем на обложке, причем авторы сих произведений утверждали, что биографии созданы с ведома Германа и имеют к нему самое прямое отношение. Издатели также не раз обращались к Бэнксу с просьбой написать книгу о том, как добиться успеха в бизнесе, а он отказывался, зная, что совет доверять интуиции и шевелить мозгами не растянешь до требуемого объема.

В глубине души Герман был уверен, что когда-нибудь он напишет книгу, которую действительно хочет написать, создаст произведение высокой литературы с захватывающим сюжетом, что так любит современная молодежь. Они будут читать, затаив дыхание и позабыв обо всем на свете, чтобы, добравшись до конца, начать сначала. Он заставит их задуматься о своей жизни, увидеть пороки среди, казалось бы, безмятежного счастья и наоборот. Книга произведет незабываемое впечатление, она будет пленять и – что важнее – волновать. Читатели полюбят его героев, узнавая в них себя, станут учиться у них, брать с них пример. Словом, он напишет потрясающую, превосходную книгу, подлинный шедевр.

Вот только он не знал, как выкроить время для работы, и справедливо опасался, как бы его, пусть и уважаемого в деловом мире человека, не осмеяли литераторы. И потому требовалось работать тихо, скрытно, секретно.

Казалось бы, все проще простого: Герман хотел писать, Герману необходимо было писать, Герман Бэнкс должен написать гениальный роман.

II

Дорога петляла среди деревьев, гулко стучал по днищу автомобиля вылетающий из-под колес гравий. Они давно миновали приветственную надпись меж двумя каменными столбами на въезде в поместье Бернса, а дом все не показывался. Стоял январь – голые деревья, серые тучи на низком небе, и, если бы не яркая зелень травы, в этой части света было бы совсем уныло. Герман улыбнулся своим мыслям с давно забытым чувством удовлетворения. Идеальная обстановка, лучше не придумаешь.

Грегори Бернс был одним из любимых писателей Германа, но не из классиков, читанных на сеновале, а тех авторов, с которыми он познакомился позднее, когда пришло время покинуть ферму. Роман Грегори Бернса «Спаситель» сопровождал его в Чикаго, где поначалу обосновался Герман. Это была первая книга его взрослой жизни, по которой он учился быть отважным, уметь рисковать. Герман прочел все книги Грегори Бернса, уроженца Чикаго, вдохновленные Великой депрессией, которая не пощадила и самого автора. Германа интересовало не только творчество Бернса, но и его личная жизнь, сложная и запутанная по вине злой судьбы и собственной глупости. Незадолго до смерти писатель перебрался на юго-запад Англии, в Бат, где и был создан его последний роман «Спаситель». Десять лет назад в одной из лондонских букинистических лавок Герману посчастливилось за десять тысяч фунтов купить экземпляр первого издания. Эту книгу да еще рукопись, напечатанную на «Ундервуде» 1932 года, он считал самыми ценными из своих приобретений. А теперь он ехал в дом, где появился «Спаситель», чтобы приступить там к работе над своей первой книгой, поскольку с недавних пор дом Грегори Бернса принадлежал Герману Бэнксу.

Эмбер сидела рядом, кутаясь в меховое пальто, прекрасная и изысканная – как всегда. В воздухе витал сладковатый аромат духов «Шанель № 5». Они почти не разговаривали с того времени, как приземлились в Хитроу и направились в деревушку Литерли, что на юго-западе Англии. К его удивлению, жена горячо поддержала его идею написать роман, обрадовавшись, что он с таким воодушевлением говорит о чем-то, кроме денег. Но, когда Герман сообщил Эмбер, что купил дом в Англии, и велел готовиться к переезду, радости у нее поубавилось. Покупка дома оказалась для нее неприятным сюрпризом.

– У меня тоже есть свои секреты! – Герман понимал, как по-детски звучат его язвительные замечания, но не мог сдержаться – слова сами собой срывались с языка и, надо сказать, производили ожидаемый эффект. Всякий раз ее задевала, оскорбляла сквозящая в них неприкрытая обида. Герман понятия не имел, когда эта обида пройдет, но надеялся, что скоро.

Да, новость о покупке дома была для Эмбер не из приятных, однако ей так хотелось сохранить их брак и наладить отношения, что она и не подумала возражать, когда он объявил, что они уезжают на неопределенное время. Герман знал, что она любит его, и это, с одной стороны, придавало ему сил, а с другой – отягчало ее преступление. Будь она из тех жен, что неприязненно относятся к мужьям и любят только их деньги, он мог бы ожидать с ее стороны

измены, возможно, сумел бы даже как-то подготовиться, но Эмбер была совсем другая. Она была дипломатична, нежна, очень заботлива, порой наивна. Эмбер, если хотите, была целомудренна и берегла свое целомудрие вопреки всему, что ей доводилось видеть и слышать в их кругу.

Они познакомились в гостях, на званом рождественском ужине у директора банка, делового партнера Германа. Эмбер была подругой его дочери, ее пригласили на ужин в последний момент веселья ради и посадили рядом с Германом. Никто не ожидал, что они понравятся друг другу. На первый взгляд, у них не было ничего общего, но, когда Герман повернулся, чтобы пожать руку соседке, его будто током пронзило. Весь вечер он был рассеян и почти не следил за ведущейся за столом беседой, ожидая удобного момента, чтобы вернуться к разговору с Эмбер. Понятно, что она немного робела, оказавшись в компании столь солидных людей, а что касается Германа, то его эта устрашающая компания совершенно не интересовала, если бы не ссуда в миллион долларов, которую банк собирался выдать ему под новое строительство в Нижнем Манхэттене. Она сумела рассмешить его, она будто светилась – как ни одна женщина за столом, во всем зале, во всей его жизни. Никто еще не вызывал у него подобных чувств. Герману нравилась ее свежесть, оригинальность взглядов и суждений, а красота девушки завораживала его. Целый день он занимался делами, был собран и напряжен, точно бульдог, готовый к нападению, но рядом с ней развеселился, как щенок. Он расслабился, чего ему так недоставало в жизни. Когда шесть месяцев спустя они объявили о своей помолвке, Герману говорили, что он старый безмозглый дурак, угодивший в силки охотницы за чужим богатством. По настоянию Эмбер они заключили брачный контракт, хотя он и не думал давить на нее или выказывать недоверие. Это положило конец сплетням, а также смутным сомнениям, каковые, признаться, порой все же его посещали.

Прошло немногим более года, и Эмбер изменила ему – совершила поступок, на который он считал ее неспособной. Неприятнее всего был не сам факт измены, а то, что Герман даже представить ее не мог в роли неверной жены. Нет, он был далек от уверенности, что им дано читать мысли друг друга, но раньше ему никогда и в голову не приходило ожидать от нее подобного подвоха. Он не знал, что Эмбер способна на ложь, ухищрения, физическую близость с другим мужчиной, ведь ее всегда возмущали чужие заигрывания в то время, когда его не было рядом. Бывало, вернувшись вечером, она виновато рассказывала ему обо всем, будто извинялась. Поделившись с ним, она чувствовала облегчение. Она не умела ничего скрывать, страдала, если ей случалось резко ответить ему или заговорить повышенным тоном. И уж никак нельзя было причислить Эмбер к

нимфоманкам: до замужества у нее было двое мужчин – первая школьная любовь и сокурсник в колледже, потому перемена в ее поведении беспокоила Германа сильнее, чем боль, причиненная изменой. Выходило, что он совсем не знает ее: та ли это женщина, которую он полюбил? И поскольку его обманул самый близкий человек, он засомневался в надежности всех остальных в своем окружении, а сомнения, как известно, губительны равно для бизнеса и брака. Словом, основы его жизни пошатнулись.

Он, конечно, простит ее, но не сразу. Им предстоит еще многому научиться, но они, разумеется, все преодолеют и снова заживут душа в душу. Так подсказывал ему опыт многих знакомых, которые переживали подобные неприятности. Оказывается, женщины изменяют гораздо чаще, чем принято полагать. Впрочем, для него это служило слабым утешением.

Пока Герман не был готов извинить ее. Он ощущал злость, обиду, ему даже доставляло удовольствие такое состояние. Он был в своем праве. Герман полагал, что сначала он залижет раны, напишет гениальный роман, наладит свой давший трещину брак, а вот потом сможет заниматься любовью с женой, не чувствуя отвращения к воображаемому вкусу другого мужчины на ее коже. Все еще можно вернуть, исправить.

Объявление о продаже поместья Бернса, случайно попавшееся ему на глаза, он воспринял как знак свыше. Это подтолкнуло его заняться осуществлением своей давней мечты. Примечательно, что объявление было напечатано не в рекламной газете, которую Герман скрупулезно изучал каждое воскресное утро, сидя на балконе за кофе с круассанами, а в каком-то музейном журнале, распространяемом по подписке. В поместье Грегори Бернса некогда располагался музей, где демонстрировали его знаменитую коллекцию печатных машинок, которыми он был буквально одержим и скупал их где только можно. Многие годы его поместье оставалось открытым для посетителей, но двадцать лет назад наследники решили сдавать его в аренду, а затем и вовсе выставили на продажу. Благодарение Богу, наследники Грегори Бернса оказались жадными и несентиментальными. За три тысячи квадратных футов надежды в Глостершире, на юго-западе Англии, близ маленькой деревни под названием Литерли, они просили два миллиона фунтов. Герман совершил самую разорительную покупку в своей жизни, заплатив без торга назначенную цену и – отдельно – за обстановку. Еще два миллиона были потрачены на то, чтобы отремонтировать дом по их с Эмбер вкусу, причем ей он предоставил право выбирать дизайн интерьеров, подумав, что если он собрался поселить ее в такой

дыре, то пусть хотя бы устраивается с комфортом. Он считал дни в ожидании переезда, как в детстве ждут каникул или поездки в летний лагерь, а Эмбер, хотя и не жаловалась, но выглядела все более растерянной.

Когда дом внезапно вынырнул из-за следующего поворота, Герман в восторге схватил Эмбер за руку. Ее лицо смягчилось, она вспомнила, зачем едет сюда – чтобы он мог осуществить свою мечту, чтобы он был с ней, чтобы они были вместе. А он вспомнил о том, что она сделала, и, быстро убрав руку, отвернулся и уставился в окно.

Перед самым домом стоял «рэнджровер» цвета зеленого бутылочного стекла, густо забрызганный грязью. В доме горел свет. Когда они подъехали, открылась ярко-синяя входная дверь и вышла сухощавая женщина с рыжевато-пепельными волосами, в костюме из серого твида. На ее лице было радостное и вместе с тем смущенное выражение. Она явно не знала, куда деть руки – то всплескивала ими, то почесывала нос, приглаживала волосы, одергивала юбку и пиджак, сжимала их, разжимала.

– Хэрриет, Хэрриет, Хэрриет, – пробормотал Герман себе под нос, будто стараясь запомнить имя. Его жена уже выходила из машины, желая поскорее осмотреть свой новый дом, где ей предстояло прожить неопределенно долгое время.

– Хэрриет! – Эмбер тепло пожала руку женщине в твидовом костюме. – Я Эмбер Бэнкс. Очень рада наконец-то лично с вами познакомиться.

– И я очень рада, миссис Бэнкс, – просияла Хэрриет, воодушевленная ее приветствием.

– Пожалуйста, зовите меня Эмбер.

На лошадином лице Хэрриет не было никакой косметики; россыпь веснушек и яркий румянец говорили о том, что она много времени проводит на воздухе. Над верхней губой пристроилась крупная родинка, из нее топорщились длинные черные волоски, резво подпрыгивавшие, когда Хэрриет разговаривала, будто родинка жила своей собственной жизнью.

– А вы зовите меня Хэтти. Мистер Бэнкс, добро пожаловать! – Она схватила его ладонь обеими руками, чуть не кланяясь.

– Спасибо. – Герман жадно вглядывался в приоткрытую дверь у нее за спиной.

– Я передать не могу, как мы счастливы, что именно вы купили этот дом. Мы так надеялись, что он попадет в заботливые руки, к людям, которые понимают его ценность.

Герман неотрывно смотрел в дверной проем. После долгого перелета и поездки из аэропорта на машине ему хотелось быстрее войти и расположиться, а светские беседы оставить на потом.

– Да, Герман – большой поклонник мистера Бернса, – вежливо ответила Эмбер – она сама не так давно об этом узнала.

– Если вам что-то понадобится, сразу обращайтесь ко мне. Вдруг вы захотите познакомиться с окрестностями или у вас возникнут какие-нибудь вопросы, связанные с домом, – я всегда к вашим услугам. Что ж, не стану больше вас задерживать, вам, наверное, не терпится войти, чтобы согреться и отдохнуть. Вот ключи… – Ее рука неопределенно замерла в воздухе: она не знала, кому их лучше вручить.

Ключи взял Герман.

– Только один комплект? – удивилась Эмбер, и ухо Германа уловило в ее тоне знакомые нотки паники.

– В деревне, я думаю, есть слесарь, – сказал Герман, поднимаясь на крыльцо. – Он сделает нам второй.

– Конечно, конечно! До Литерли отсюда двадцать минут езды. Вы, наверное, проезжали мимо.

– Что-то не припомню, – отозвалась Эмбер.

– Вы просто не заметили, – тепло улыбнулась Хэтти, – там всего несколько домов, деревушка маленькая, но прелестная: старые коттеджи и церковь

девятнадцатого века, а посередине лужайка. Там есть лавка и паб, и как раз в лавке вам могут изготовить ключи. Оттуда можно за час добраться до Бата, если хотите. Только будьте осторожнее на дороге, пока не освоитесь: она довольно коварна.

Эмбер закивала, нервно сглатывая от волнения, но, когда они вошли в холл и она принялась осматривать свое имущество – обивку стульев, шторы, ей полегчало. Герман шел впереди, открывая двери, заглядывая в комнаты, ведущие в другие комнаты. Хэтти и Эмбер безуспешно старались поспеть за ним, отстали и остановились в гостиной.

– Сколько же лет этому дому? – спросила Эмбер, оглядываясь по сторонам. Она все куталась в пальто, ее голос звучал в этих старых стенах по-девичьи робко.

– В восемьсот двадцать первом году он уже существовал. До тысяча пятьсот тридцать девятого года, когда закрыли монастыри, дом принадлежал аббатству, потом долго переходил из рук в руки, каждый хозяин что-то пристраивал. Старейшая из существующих ныне частей – северное крыло – до сих пор сохраняет средневековую планировку. В тысяча шестисотом году дом расширили и перестроили, а в начале восемнадцатого века снова подновили в георгианском стиле. – Хэтти взглянула на Эмбер, почувствовала ее беспокойство и смягчила деловой тон экскурсовода. – Вы здесь не заскучаете, здесь много интересного. Садовые террасы были устроены по проекту Роберта Ладлоу Кодрингтона. За ними тщательно ухаживают, но в это бесцветное время года, конечно, они не столь привлекательны, как летом. Да, у вас есть голубятня.

– Голубятня? – переспросила Эмбер с улыбкой.

– Ну да, такая круглая беседка в поле к западу от дома. Знаете, раньше голубей разводили ради мяса, яиц и помета.

Увидев, как Эмбер морщит нос, Хэтти рассмеялась:

– Но это было раньше! С тех пор многое изменилось. Теперь люди предпочитают фазанов. – От смеха ее родинка заходила вверх-вниз, точно в знак согласия.

– А где все имущество прежних хозяев? – С этими словами в комнату грозно ворвался Герман.

– Все вывезли в дом священника по соседству, мистер Бэнкс. Ваш дизайнер настоял, чтобы все старые вещи отправили туда, раз вы не хотите с ними расставаться. Я вовсе не эксперт в этом деле, но, по-моему, обстановка после ремонта изменилась к лучшему благодаря вашему удивительному вкусу.

– А где находится дом священника?

– Это небольшой домик поблизости, с восточной стороны. Когда в доме работал музей, там был чайный павильон. Однако в последние годы он, конечно, пустовал. Позвольте, я провожу вас туда, чтобы вы могли убедиться, что все в целости и сохранности.

– Нет, спасибо. Я наведаюсь туда позже. Но я ведь просил, чтобы печатные машинки и рабочий стол оставили на прежнем месте.

– Они стоят в кабинете Грегори Бернса – согласно вашему пожеланию.

Герман, казалось, немного успокоился, даже обрадовался. Эмбер просияла, видя, что он счастлив.

– Разрешите поинтересоваться, мистер Бэнкс, вы пишете книгу?

Герман не знал, что ответить. Эти слова, впервые произнесенные вслух, смутили его, но и заставили почувствовать гордость.

– Вообще-то… – замялся он и беспомощно посмотрел на Эмбер, немало удивленную его замешательством: такого с ним на ее памяти еще не бывало. – Да, пишу, – признался Герман.

– Как чудесно! – прошептала Хэтти, глядя на него круглыми глазами. – Обещаю никому не говорить, мистер Бэнкс. Ах, как я рада, что в этих стенах снова начнут писать. – Она огляделась. – Думаю, дом будет счастлив.

Это было странное утверждение, однако Герману понравилось: он делает дому подарок – забавно.

– Давно уже никто не писал ничего хорошего. – Хэтти махнула рукой. – Хотя некоторые пытались. У вас, я уверена, получится, мистер Бэнкс.

– Что вы имеете в виду? Что значит «некоторые пытались»? – спросил Герман тоном избалованного ребенка, только что услышавшего, что скоро он перестанет быть единственным в семье.

– Видите ли, популярность человека-легенды – мистера Бернса привлекала сюда литераторов, которые снимали дом на несколько месяцев, пытаясь создать нечто гениальное. Но, думаю, у них не было вашей целеустремленности и таланта, – сказала Хэтти, желая польстить его самолюбию.

Эмбер оставила Германа переваривать информацию, а сама пошла проводить Хэтти. У дверей Эмбер спросила:

– Значит, никто так ничего и не написал?

– Что, простите?

– Литераторы – те, что приезжали с целью написать здесь книгу? Никто из них не окончил работу?

Хэтти догадывалась, насколько это больной вопрос, и потому постаралась смягчить ответ:

– Нет, хотя… один почти закончил. – Она оглянулась, изменившись в лице, будто боялась, что кто-то подслушивает. – Он просто уехал, не дописав. Может быть, он сделал это в другом месте, но… сомневаюсь. Впрочем, это было в первый год, что я здесь провела, и я почти не помню подробностей. – Хэтти нервно улыбнулась и вынула из сумки визитную карточку. – Если вам захочется позвонить мне, то вот, пожалуйста, мой номер. Это мобильный, я всегда на связи. Звоните в любое время. – Она вдруг оживилась. – Я вернусь в понедельник с бригадой сантехников. Они сломали что-то в системе отопления и должны исправить, хоть и клянутся, что не виноваты. Если вам нужно что-нибудь привезти или возникнут какие-либо вопросы, вы не стесняйтесь, звоните без колебаний. И мистеру Бэнксу передайте. Желаю вам удачи. – Еще раз оглядевшись, Хэтти вышла и закрыла за собой дверь.

– Спасибо, – прошептала Эмбер. Она долго стояла, прижимая визитку к груди – как единственную связь с людьми за стенами этого дома.

III

О чем вы там говорили?

Герман, задумавшись, не слышал, как Эмбер поднялась по лестнице, и обернулся, лишь когда она встала у него за спиной. Он сидел в кабинете Грегори Бернса за его письменным столом из красного дерева. Стол был изготовлен в 30-х годах прошлого века, на потрескавшейся и сморщенной кожаной вставке столешницы стоял «Ундервуд» – одна из сотен печатных машинок, расставленных на полках вдоль стен комнаты и призванных создать идеальную творческую атмосферу для Германа. Он специально попросил, чтобы старый «Ундервуд» вынули из-под стекла и поставили на стол, зная, что именно на этой машинке Грегори Бернс печатал свой последний роман «Спаситель». И пусть у него не было намерения пользоваться печатной машинкой, он хотел иметь ее перед глазами как источник вдохновения.

Обстановка в комнате была скромная, на вкус Германа, даже бедная. Его кабинеты по всему миру были забиты кожаной мебелью, книжными полками от пола до потолка, на стенах висели дипломы, сертификаты и фотографии, запечатлевшие Германа с известными политиками и звездами спорта. Он велел дизайнерам в этой комнате ничего не менять, желая сохранить подлинную атмосферу, окружавшую гениального хозяина, и надеясь, что это поможет ему в создании своего шедевра.

У стола приткнулся простой деревянный стул с подлокотниками, обозначенный в каталоге имущества как «капитанский». Герман еле втиснул свою крепкую корму на сиденье. Стул, похоже, был изготовлен для женщины, либо Грегори Бернс не отличался мощным телосложением. Герману нравилось лучше узнавать его, просто находясь в его доме, сидя на его стуле. Кабинет располагался на третьем этаже, и рабочий стол стоял у окна с видом на парадный подъезд. Неплохо. Значит, Грегори, как и Герман, ощущал необходимость знать, кто входит к нему в дом и кто выходит. В пустом поле с западной стороны одиноко торчала голубятня. Наверное, весной и летом ее не видно за высокими деревьями, растущими по краю поля, которые уж который месяц стоят сбросив листву. Впереди тоже простиралась зеленая равнина, и где-то вдали скрывалась

от его глаз деревня Литерли. Человеческого жилья поблизости вообще не было видно. Так Герман сидел, глядя в окно, пока на стол ему не поставили большую чашку кофе. Тогда вернулся мыслями в комнату.

Эмбер вдруг охнула и убрала чашку со стола:

– Подставка нужна: за этим столом, наверное, сам Генрих Восьмой сиживал. – Она оглянулась, выискивая, на что можно поставить кофе. – Хм… Ладно, я постою тут в уголке, подержу твой кофе в руках.

Герман не выдержал и рассмеялся. Вырвал страницу из своей тетради и сунул ее под чашку.

– Спасибо. Ты хорошо спала?

– Не очень. – Эмбер вздрогнула. – А ты? Хотя я и так знаю: ты храпел полночи. А мне все чудились шорохи.

– Старый дом, ничего не поделаешь.

– Старый дом с привидениями. Ты не почувствовал, что в нем есть что-то жуткое?

– Нет, – отрезал Герман.

– И холодно было.

А вот с этим трудно поспорить.

– Она сказала, в понедельник приедут рабочие и включат отопление.

– Ее зовут Хэтти. – Эмбер взглянула на тетрадь, лежавшую на столе, которую Герман, просидев в кабинете часа три, так и не открыл. Свой ноутбук он убрал в ящик стола, решив писать от руки, так ему было привычнее. Он обшарил все ящики и полки, но все впустую – от прежних хозяев давно ничего не осталось. Правда, у него был экземпляр первого издания «Спасителя» и рукопись, которую нашли на столе утром, после смерти Грегори Бернса. Двадцать лет назад он

купил ее у внучатого племянника писателя, на счастье Германа любившего азартные игры. За это племянника изгнали из семьи, а прочие рукописи мистера Бернса убрали под замок от греха подальше.

Отпечатанная рукопись с чернильными пометками автора осталась на столе, а тело Грегори Бернса обнаружили в чулане. Он застрелился. Якобы он долгое время страдал от депрессии, вызванной творческим кризисом, последовавшим за огромным успехом его книги «Откровенно говоря», отмеченной многими наградами. И вот, завершив свой последний и самый великий роман, он умер в одиночестве, в нищете, не догадываясь, может быть, какой шедевр создал, или, наоборот, очень хорошо понимая, что не сможет написать ничего лучше.

– Ты уже придумал название? – спросила Эмбер, снова пытаясь пробиться к мужу, привлечь его мысли, что ускользали и цеплялись за окружающие предметы, дабы утащить его в другое время и место.

– Придумал. Книга будет называться «Искупитель», – не сразу ответил Герман, теребя уголки тетрадных страниц. Вот и все. Он проговорился. Хотя, как ни странно, он ощущал удовольствие и даже гордость.

– Хорошее название. И о чем же ты будешь писать?

Герман задумался. Сложный вопрос. Она, наверное, даже не догадывается насколько. О чем? О многом: о любви и утратах, о месте человека в обществе, о хрупкости любви и силе духа – обо всем, что есть в его любимых книгах. Хотя Эмбер, надо полагать, интересует не это, а форма воплощения, сюжет.

Герман прочистил горло и заговорил:

– О человеке, живущем в Англии Викторианской эпохи, который провел десять лет на каторге и вышел на свободу. О том, как за это время изменился мир.

– В чем он провинился?

– Совершил убийство.

– Почему?

– Пока не знаю.

– А кого он убил?

– Тоже пока не знаю.

Поджав губы, она кивнула, ожидая продолжения.

– И вот после освобождения от него остается лишь тень прежнего человека. Он пытается вернуться к прежней жизни, но у него ничего не выходит. Он хочет найти тюремного капеллана, навещавшего его в заключении, и покаяться, дабы быть достойным любви и преданности тех, кому он причинил боль.

Вдруг Герман отвлекся, представив себе сцену, которая могла происходить в реальности: сплетенные горячие потные тела, в его доме, под его крышей, у него за спиной. Они издеваются над ним. И после этого у нее хватает наглости делить с ним постель! Ему стало нехорошо, он не мог смотреть на жену.

– И что дальше? – спросила Эмбер дрожащим голосом, словно догадывалась, о чем он думает.

– В каком смысле? – отрывисто переспросил Герман, с досадой вспомнив о ее присутствии.

– Стал ли он снова достоин их любви и преданности?

Герман глубоко задумался, перебрал в голове идеи, сюжетные ходы, но ничего не нашел и обратился к сердцу.

– Поживем – увидим, – буркнул он и уставился в окно.

Она всхлипнула и вышла из комнаты – так же молчаливо и тихо, как и вошла.

IV

Эмбер стояла в гостиной с чашкой кофе в руках и глядела в окно. Когда вошел Герман, она не повернулась.

– С кем ты разговаривала по телефону? – спросил он.

– С мамой.

– Она не спит?

– Не может уснуть, – отвечала Эмбер, по-прежнему стоя к нему спиной.

Она лгала. Герман почувствовал, как закипает кровь.

– Джип приехал, – заметила Эмбер.

– Я слышал. Эта женщина говорила что-нибудь про вай-фай?

– Ее зовут Хэтти… Ей должен позвонить провайдер.

– Интересно, надолго это у них тут затянется?

При этих словах она обернулась, глядя, как Герман туже затягивает пояс халата. Время близилось к полудню, а он до сих пор не удосужился одеться. Вчера он тоже весь день проходил в халате. Ему казалось лишним мыться и одеваться, поскольку, проснувшись, он желал только одного – удалиться в кабинет. Эмбер не знала, что он там делает, продвинулась ли его книга (а Герман просто сидел за столом и наблюдал в окно, как быстро спускаются сумерки), но она не решалась спросить, понимая, что упреки только разозлят его, а он и без того зол как никогда.

– Почему бы нам не съездить в город в библиотеку? Ты мог бы взять там книги, какие-нибудь исследования. Да и вообще полезно прокатиться по окрестностям, чтобы знать, где мы находимся. А то, может быть, нас уже и нет на этом свете? – робко пошутила Эмбер, тщетно пытаясь улыбнуться.

Герман сделал вид, что обдумывает ее предложение, хотя сегодня не собирался никуда выезжать. Ему казалось: вот еще чуть-чуть – и книга сдвинется с мертвой

точки. Пробормотав, что хочет кофе, он отправился на кухню.

– А ты можешь и сама съездить проветриться, – крикнул он на ходу и тотчас пожалел о сказанном. При мысли, что она поедет одна, его охватило бешенство, и он язвительно прибавил: – Заодно и познакомишься с кем-нибудь.

– Твоя мать звонила вчера вечером, – проговорила Эмбер, вдруг оказавшись у него за спиной.

– М-м?

– Отца пока не выписывают. Врачи говорят, необходимо дополнительное обследование.

– Сейчас у них поздно. – Герман посмотрел на часы. – Потом позвоню.

Он сел за стол. Эмбер, глядя на него, спросила:

– Как ты думаешь, не нужна ли нам вторая машина?

– Зачем?

– На всякий случай.

– «Мерседес» – очень надежная машина.

– Я не о том. Вдруг я поеду куда-нибудь, а тебе понадобится машина, или наоборот.

– Вряд ли я стану отлучаться надолго. Ты вполне можешь подождать.

– До Бата отсюда час езды, даже до калитки двадцать минут пешком, не говоря уж о ближайших соседях.

– Значит, надо запастись молоком и сахаром, – в шутку ответил Герман, но вышло так, будто он пожалел денег на второй автомобиль.

– А если мне срочно куда-нибудь надо будет съездить, пока тебя нет?

– Куда? – прищурился Герман, вспомнив, как она недавно полушепотом говорила внизу по телефону и сразу повесила трубку, едва он спустился.

– Не все ли равно? Мне здесь так одиноко. Поэтому хочется быть уверенной, что я могу выбраться отсюда, когда понадобится или просто когда захочется. – Эмбер обхватила плечи руками, будто защищаясь от холода.

– Да, понятное желание, – согласился Герман и понес кофе в кабинет. – Нам с тобой хорошо известно, что ты ненавидишь одиночество.

Потом он наблюдал в окно, как открылась и закрылась входная дверь и Эмбер в большом, не по росту, плаще и резиновых сапогах побрела в поле к голубятне, где провела около получаса. Наверное, она плакала. Однако у Германа не дрогнуло сердце, сейчас он не испытывал никаких чувств к женщине, которую совсем недавно искренне любил.

V

Первую неделю жизнь в доме протекала однообразно. Герман вставал около полудня и сразу отправлялся в кабинет, прихватив кофе. Там он сидел почти до вечера, затем мылся и одевался, а иногда и нет. В сумерках он выходил прогуляться вокруг дома, а когда возвращался, было уже темно и он снова исчезал в кабинете.

С Эмбер они почти не разговаривали. Порой она предпринимала попытки наладить отношения и, хотя ее усилия были шиты белыми нитками, не отступала. В иные дни она почти не беспокоила его, лишь готовила еду и оставляла подогреваться в специальной чугунной печи «Ага», пользоваться которой так и не научилась, или приносила в кабинет – смотря на что хватало ее рвения.

В начале второй недели Герман как-то раз спустился вниз выпить кофе и обнаружил Эмбер, одетую для выхода, хотя в последние дни она, глядя на него, тоже не очень-то наряжалась.

– Куда собралась?

– Поеду в деревню, а возможно, и дальше – это как пойдет езда по левой стороне. У нас продукты заканчиваются, так что меня, наверное, не будет целый день.

– Ты едешь одна?

– Я бы хотела поехать вместе, но как ты расстанешься с халатом? – Она думала сказать это в шутку, но вышло как обычно – сухо и натянуто.

Взглянув в зеркало, Герман ужаснулся: отросшие густые волосы всклокочены, щеки и подбородок покрыты щетиной, грязный халат давно нуждается в стирке. Но дело было не только в этом. Ему не хотелось никуда ехать, не хотелось ничего делать, потому что его мысли, поглощенные книгой, застряли в придуманном запутанном мире, который никак не хотел оживать на бумаге.

– Какой ужас! – вздохнул Герман и сел за стол. – К твоему возвращению я приведу себя в порядок, – пообещал он, прекращая пристрастный допрос.

– Хорошо, – улыбнулась Эмбер, подошла, положила руки ему на плечи и поцеловала в затылок. Даже через халат ее руки обжигали холодом. – Вот каково быть женой художника, – не без ехидства пожаловалась она и начала осторожно массировать ему плечи, пока он не расслабился и не ощутил знакомое томление.

Эмбер, должно быть, почувствовала это и остановилась:

– Как дела у тебя в офисе?

– Я разрешил им звонить только в случае крайней необходимости – например, если наступит конец света. Так что пока новостей никаких. – Всю переписку и телефонные звонки он поручил Флорри, своему верному секретарю. Она проработала у него двадцать лет, хотя порой ей приходилось нелегко. Герман не скучал по работе и не испытывал желания выходить на связь – к своему удивлению и удовлетворению. Это означало, что его решение уехать в отпуск было верным.

– Их послушать, так конец света уже наступил. – Эмбер кивнула на маленький телевизор, включенный на канале Си-эн-эн. – Может быть, стоит все-таки позвонить и убедиться, что все в порядке.

– Сами позвонят в случае чего. Пока меня не будет, Джеффри отлично со всем справится.

– У Джеффри нет твоих способностей. Ему нужны твои решения, твой разум.

– Вряд ли мне приятно слышать подобные отзывы о человеке, в чьих руках я оставил мою компанию, дорогая. – Слово «дорогая» наждачной бумагой заскребло во рту, и Герман поскорее глотнул кофе.

Эмбер пожала плечами:

– За все время, что мы здесь, ты ни разу не включал телефон и не проверял электронную почту. Своего адреса ты не оставил. Как они должны с тобой связаться, если вдруг понадобится твоя помощь? – Она стала собирать сумку.

Герман щелкнул пультом и выключил телевизор. Наступила полная тишина.

– Ты позвонил своей матери?

– Нет.

– Почему?

– Забыл.

– Позвони.

– Зачем? Что случилось?

Эмбер пододвинула стул и села напротив:

– Дела там неважные.

– Дела уже несколько дней как неважные, что могло измениться?

– Рак добрался до поджелудочной железы.

Герман задумался. Представил себе отца, сельского нелюдима, которого заперли в частной городской больнице, отдали на милость толпы образованных всезнаек, которые мнут его, колют иглами и говорят на непонятном языке.

– Твоя мать жалуется, что плохо разбирается в том, что ей говорят врачи. Она в панике.

Мать, поистине жертвенная натура, дает, дает и никогда ничего не берет – и даже не хочет – взамен, смущаясь от самой мысли о такой возможности.

– Но с ней же девочки, – сказал Герман, хотя понятия не имел, кто с ней, и это скорее был вопрос, чем утверждение.

– Да, там Аннабел.

– Ну эта отпугнет любой рак!

– Она говорит, что по нескольку раз в день пытается до тебя дозвониться, – серьезно отвечала Эмбер.

– Я не включаю телефон, как ты сама сказала. И пусть, наконец, усвоит, что такое разница во времени. Нет смысла звонить мне, когда здесь четыре утра. Да и чем я могу помочь? Ты же ее знаешь. Она считает, что весь мир – это Америка.

– Мне кажется, они просто хотят, чтобы ты вернулся, только и всего. Они не просят тебя о чуде.

– Но я не могу, мы всего неделю как приехали.

Эмбер встала, аккуратно отодвинув стул. Ее движения были настолько точны, что порой это раздражало. Вот как сейчас.

– Тебе купить что-нибудь?

– Нет, – буркнул Герман, однако, когда она была уже на пороге, спохватился. – Кофе и бумагу!

– Это хороший знак, – обрадовалась она. – А тетрадь уже закончилась?

Герман кивнул. Эмбер, подмигнув ему, вышла и захлопнула за собой дверь.

Еще бы ей не закончиться – корзина у стола была полна чистых скомканных листов, а он между тем не написал ни строчки.

VI

В тот день Эмбер домой вернулась поздно, часов около восьми, влетела, блестя глазами. Герман слышал, как она напевает, разбирая сумки с продуктами. В девять часов она поднялась наверх и вошла к нему – он сразу почувствовал запах свежего кофе и «Шанель № 5».

– Так и думала, что ты здесь. – Она поставила кружку с кофе на новую подставку и села в кресло.

– Насколько я понимаю, ты нашла деревню.

– И не только. Я поехала дальше, потому что в деревне нет ничего, кроме почты, церкви и пивной. И приехала в Бат. Шикарное место! Ты должен там побывать. Я даже купила пару туфель.

– Рад, что ты снова становишься самой собой, – улыбнулся Герман.

– Я? – удивилась Эмбер. – Ты думаешь, что я… ладно, не обращай внимания. Как продвигается рукопись?

– Хм…

– Дашь почитать?

– Нет. Пока нет. Я не закончил.

– А когда ты мне позволишь прочитать? Обещаю, что не буду говорить гадостей или критиковать – если ты сам не попросишь. Я не стану навязывать тебе свои идеи и все в таком роде, но я могла бы сказать, что мне нравится, а что нет. На твое усмотрение, в общем. Мне просто хочется прочитать. Я хочу, чтобы ты впустил меня в свой мир, а то у меня чувство, словно я тут лишняя.

Ну вот, опять… Лишняя, одинокая, несчастная – вся эта психологическая чушь.

Не дождавшись ответа, она прервала паузу следующим вопросом:

– Ты много успел написать?

– М-м… – замялся Герман, потому что не написал пока ни слова.

– Не подумай, что я тебя тороплю, хотя и не терпится узнать, когда мы поедем домой… Ты пока не решил? – Эмбер старалась говорить весело и непринужденно, будто из желания поддержать, помочь, но Герман понимал, что она имеет в виду.

– Поедем, когда закончу, – только и ответил он.

Она слабо улыбнулась:

– Спасибо. А ты… – Ее пальцы вдруг сосредоточенно затеребили юбку, нащупав торчащую нить. – Когда ты закончишь, мы ведь вернемся в Нью-Йорк? Мне казалось, таков был изначальный план, но теперь… я вижу, что ты привязался к этому месту…

– Мне тут нравится, – отрезал Герман. Здесь, на этом стуле, в кабинете с видом на зеленые поля, куда он никогда не ходит и даже не собирается. – Вот и все.

– Хорошо, – улыбнулась Эмбер, но ее улыбка не коснулась глаз, отчего Герман одновременно с ненавистью к себе ощутил желание остаться тут навеки. – Я купила тебе тетрадь. – Она полезла в сумку. – Даже две тетради: они у тебя

быстро заканчиваются.

– Спасибо.

– И еще кое-что. Вообще-то я купила это в Нью-Йорке, хотела, чтобы сделали гравировку, но времени не хватило, поэтому поручила это Хэтти. Утром позвонили: все готово, можно приезжать. Не понимаю, как я ездила по этим узеньким дорожкам. Ну да ладно, смотри.

Герман никак не мог сосредоточиться на подарке, все вспоминал утренний телефонный звонок, когда он слышал ее голос и знал, что она лжет. Напрасно это она, пусть даже ради него. Он же сказал: больше никаких секретов.

Эмбер положила перед ним черный подарочный футляр и, поскольку он лишь тупо таращил глаза, сама открыла крышку и достала часы. «Ролекс». Такие он рассматривал недавно в журнале. На обратной стороне была надпись: «Г., моему художнику. Твоя навсегда, Э.».

Вдруг его захлестнули эмоции, горло сжалось, он боялся заговорить, чтобы не выдать себя. И потому лишь молча кивнул, положил часы в футляр, защелкнул замок. Ошеломленная и оскорбленная его реакцией, Эмбер так и примерзла к стулу, затем встала и в неловкой тишине вышла из кабинета. Едва дверь за ней закрылась, Герман мысленно обругал себя за холодность. Виной всему был гнев, с которым чем дальше, тем хуже удавалось справляться. Он ни за что не наденет эти часы, потому что всякий раз будет вспоминать, что она наделала и почему преподнесен этот подарок, а еще ему была невыносима мысль, что ее «художник» не написал ни строчки.

Пытаясь побороть в себе злость и горькое чувство никчемности, которое вызвала у него надпись на часах, Герман записал всю информацию, факты, которые имели отношение к его будущей книге. Главный герой – Эдвин Грей, тридцать шесть лет, родился в состоятельной семье. Герман сформулировал вопросы относительно жертвы и причины преступления, с чем пока не определился. Он хотел изобразить своего героя злодеем поневоле, который понес наказание и раскаялся. Герман Бэнкс мечтал, чтобы читатели сопереживали главному действующему лицу и, возможно, в глубине души спрашивали себя, хватило бы у них духу на такой шаг. В общем, Эдвин должен быть человеком, а не чудовищем, хотя и совершившим страшное преступление. Изложив все это на бумаге,

Герман наконец ощутил, что дело сдвинулось с мертвой точки. К полуночи он написал все, что знал и – что более важно – чего до сих пор не знал, отложил ручку и выключил лампу, впервые со дня приезда испытывая удовлетворение.

Герман забрался в постель рядом с Эмбер, совершенно забыв об их размолвке, обнял ее сзади и крепко прижался, чтобы она почувствовала, как он хочет ее. Эмбер, потревоженная, зашевелилась, повернулась и спросила сонным голосом:

– Который час?

– Двенадцать. – Он стаскивал с нее футболку – она спала в белье, несмотря на электроодеяло и работающий обогреватель.

– Ты позвонил матери?

Он целовал ее в шею, возясь с трусиками.

– Нет, – промычал он.

– А сестре?

Он не ответил.

– Герман?

На миг остановившись, он пробормотал:

– Нет. Какая разница? – И продолжал раздевать ее.

– Герман! – Она отстранилась и натянула трусики, которые он успел стянуть до колен.

Он со стоном разочарования повернулся на спину:

– Я потом им позвоню, хорошо?

– Ничего хорошего. Ты каждый день находишь отговорки, а сегодня, между прочим, были готовы результаты исследований. Сегодня важный день. Я обещала, что ты позвонишь.

Герман снова застонал, откинул одеяло и пошлепал вниз к телефону, потому что включать свой айфон ему не хотелось еще больше. Трубку взяла его сестра Аннабел, хозяйка дома, хранительница семейного очага, надежда и опора всего семейства Бэнксов. Она рыдала. Герман вздохнул и сел на диван.

– Ну, что она сказала? – Эмбер сидела в кровати. Пока его не было, она расчесала волосы и смазала лицо увлажняющим кремом – он уловил запах. В ванной горел свет.

Герман забрался в кровать и лег на взбитую женой подушку:

– Врачи говорят, они сделали все, что могли. Его готовят к выписке, отправляют домой.

Глаза Эмбер наполнились слезами.

– Ах, Герман! Какой ужас!

Он молчал.

– Сколько ему осталось?

Он пожал плечами:

– Несколько недель – в лучшем случае.

– А твоя мать? – Эмбер вытерла глаза. – Как она?

– Я с ней не разговаривал. Аннабел вне себя от горя, остальные тоже. До Хэнка не могут дозвониться. Все как обычно.

– А он знает?

– Хэнк?

– Отец.

– Наверное.

Она была так красива, и Герман так хотел ее. Хотел, чтобы все было как раньше. Он взял ее за руку. Но она лишь сочувственно сжала его ладонь, сразу отпустила и встала с кровати:

– Я сейчас забронирую авиабилеты.

– Куда?

– Домой.

– Я не говорил, что собираюсь домой.

– Но Герман… твой отец умирает! Ты не можешь здесь оставаться.

– А что я должен делать? Примчаться и сотворить чудо? Я ничем не смогу помочь. Я там не нужен. Он ненавидит, когда вокруг него разводят суету. Ты, возможно, считаешь, что это ерунда, но я все бросил, чтобы писать книгу…

– Ты ничего не пишешь! – не выдержала она. – Я видела твою тетрадь – там пусто, Герман, пусто!

– Как ты смеешь трогать мои вещи без разрешения! – крикнул он и вскочил с кровати.

– Разве это сейчас важно! – закричала она, всплеснув руками. – Ты бросил все, чтобы уехать к черту на кулички и жить как маньяк: не одеваться, не мыться, не выходить из дома. Твой отец при смерти, Герман, он хочет тебя видеть. Твоя компания, твоя жизнь – все без тебя рушится!

– Моя компания – одна из немногих прибыльных в настоящее время… – начал он было заученным тоном, но быстро опомнился.

– А я? Как же я?! Ты говорил, что эта поездка пойдет нам на пользу. А я целый день скучаю одна, без дела, а ты даже не взглянешь на меня! Ты вспоминаешь обо мне только ночью, в постели, когда лезешь ко мне, точно грязный, назойливый… слизняк! – Она пронзительно выкрикнула последнее слово, грудь ее вздымалась, как после марафона. Когда сердце застучало ровнее, она поняла, что наделала, ее глаза медленно округлились. – Герман, я…

Он бросился вон из спальни и захлопнул дверь. Всю ночь в другой комнате он не сомкнул глаз, но не из-за слов жены, а потому, что его роман вдруг ожил у него в мыслях. Главный герой, Эдвин, возвращается из тюрьмы домой и узнает, что его отец умер. И он не успел искупить свою вину перед ним.

VII

Герман, должно быть, ненадолго уснул, потому что в памяти сохранился момент пробуждения и перемещения из сна в реальность. Обстановка показалась ему незнакомой: он не сразу вспомнил, где находится. Герман пренебрег обычным утренним походом на кухню за кофе и сразу отправился на третий этаж в кабинет. Голову распирало от идей, умножившихся за ночь, слова готовы были взорвать мозг, требуя выхода на бумагу. Он слышал, как внизу хлопочет Эмбер – с необыкновенным усердием, и по стуку каблуков догадался, что она сменила домашние шлепанцы на туфли или ботинки – наверное, собралась куда-то. Может быть, в аэропорт. Представив, что она будет в Нью-Йорке одна, поблизости от этого паразита, он вошел в кабинет, полный решимости вышвырнуть в окно ее подарок. Но часы исчезли. Тогда он выскочил на лестницу и крикнул вниз:

– Как предусмотрительно с твоей стороны, Эмбер, чрезвычайно предусмотрительно!

Шаги приблизились к лестнице, и раздался тихий голос:

– Что «предусмотрительно»?

Увидев ее сверху, Герман убедился, что догадка его верна: она оделась для выхода, причесалась и накрасилась.

– Значит, уезжаем? – с ненавистью выговорил он. – Не зря меня, наверное, предупреждали. Что ж, уезжай и прихвати с собой побольше, потому что дома ты ни гроша не получишь, это я тебе обещаю.

– Герман, о чем ты?

– О часах, черт побери, Эмбер! О подарке, который ты вчера мне так мило преподнесла, чтобы сегодня забрать обратно. Совсем как клятвы верности! – Он горько рассмеялся.

– Я не брала часы, – спокойно отвечала она, начиная подниматься. На мгновение она скрылась из виду, и он решил, что она снова лжет, и его глаза заметались по широким лестничным пролетам. Эмбер дошла до второго этажа и остановилась – она явно не желала подходить ближе. На ее запрокинутом красивом лице было такое испуганное и озабоченное выражение, что гнев его сразу испарился, уступив место ненависти к себе.

– Я не брала часы, Герман. Я бы ни за что не взяла их. Ведь это подарок.

– Что ж, тогда извини, – произнес он после долгой паузы.

– Мне ничего от тебя не нужно, ты ведь знаешь, и никогда не нужно было. Мне нужен только ты. – Ее голос сорвался, и ему захотелось подойти, обнять ее, но внезапно охватившее его отвращение к собственному запаху, к липким подмышкам, немытым волосам и зудящей под ними кожей удержало его на месте.

– Мы знаем, что это неправда, не так ли?

Эмбер вздохнула, ожидая нового скандала, но она напрасно беспокоилась, потому что Герман продолжал:

– Думаю, надо позвонить этой женщине. У тебя есть ее номер?

– Хэтти… Да, есть. А зачем?

– Потому что у нас явно побывал вор, а она знает, с кем необходимо связаться в таком случае. Напрасно мы не расспросили ее обо всем заранее. Как я раньше не сообразил? – Он с досадой взглянул в окно кабинета, на зеленые холмы.

Если часы забрала Эмбер, то таким образом он уличит ее, если окажется, что не она, значит, им необходимо установить сигнализацию. Эмбер нерешительно посмотрела на него, не стала спорить – по-видимому, была не в настроении, сухо кивнула и пошла вниз, чтобы поискать номер, а Герман снова проверил ящики стола – часы исчезли, словно их и не было.

Он принял душ, но бриться не стал. Ему всегда хотелось отпустить бороду, однако положение в бизнесе не позволяло, зато вот теперь появилась возможность. Спустившись на первый этаж, он услышал, что Эмбер опять вполголоса говорит по телефону. Затылок у него ощетинился, как в прошлый раз, когда она солгала, сказав, будто разговаривала с матерью. И пусть это звонил мастер, сообщавший, что гравировка на часах готова, от этой лжи Герману было не легче. Она понизила голос до шепота, не желая, чтобы он услышал, – другой причины быть не могло. Он подкрался сзади и схватил ее за руку. От испуга она выронила трубку, которую он подхватил и поднес к уху, а другой рукой крепко сжал запястье Эмбер. Очень крепко – судя по ее искаженному от боли лицу и попыткам вырваться.

– Алло, – произнес он на удивление ровным, угрожающим тоном, хотя сердце бешено стучало, голова пылала, а его жена изо всех сил пыталась освободиться.

На том конце молчали.

– Застукал я вас, – пропел Герман.

– Алло? – произнес в ответ женский голос – Кто это? У нас, наверное, стороннее подключение? С кем я говорю? – спрашивала Хэтти.

Герман оторопел, ослабил хватку, и Эмбер удалось вырваться. Она тотчас принялась растирать руку. Слова не шли ему на ум, ведь он был так уверен!

– Это Герман Бэнкс, – наконец проговорил он с непонятно откуда взявшейся твердостью. – Я решил, что Эмбер разговаривает с кем-то из родственников, и решил пошутить. Приношу свои извинения. Насколько я понимаю, она рассказала вам о неприятности, случившейся сегодня утром?

– Вы имеете в виду часы?

– Да.

– Конечно. Мы как раз это и обсуждали.

– С кем вы порекомендовали бы нам связаться?

– Я немедленно сообщу представителям местной власти. Я их знаю, они живут неподалеку.

– Хорошо. Благодарю вас.

Когда он положил трубку, Эмбер как раз выходила из ванной на первом этаже. Она выглядела подавленной, украдкой потирала запястье, глаза у нее покраснели.

Герман хотел извиниться, только не знал, как это сделать, и вспомнил о своей ревности, о приступах гнева и о причинах. Она сама виновата – вывела его из себя, спровоцировала, он не мог вести себя иначе, и пусть теперь привыкает к последствиям своей измены.

– Она обещала кого-то прислать, – коротко пояснил он и положил трубку.

– Ты уверен, что это хорошая идея? – хриплым шепотом спросила она.

– А почему нет? – удивился Герман.

– Тебя не удивляет, что вор проник в наш дом, чтобы взять только часы? Не телевизоры, не картины, не бриллианты… Ведь ему понадобилось подниматься на третий этаж, чтобы украсть эти часы, которые я только что тебе подарила, а ты, едва взглянув, засунул в ящик стола. Неужели ты не понимаешь, что здесь

нечисто, Герман?

Ему не понравилось, как она на него смотрит и как с ним разговаривает.

– Смени тон, – тихо и угрожающе велел он. – На что, черт побери, ты намекаешь?

– Да ни на что я не намекаю! – воскликнула Эмбер. – И не больше тебя понимаю, что происходит! – крикнула она еще громче.

Длинный пронзительный звонок прервал их спор, и лишь тогда до Германа дошло, что они кричат. Эмбер бросилась обратно в ванную, а Герман открыл дверь. В лицо ему ударил злой ветер. На пороге стояла женщина лет сорока, под пуховиком «Норд фейс» круглился большой живот.

– Чем могу помочь?

– Надеюсь, что это я могу вам помочь, – сказала она с улыбкой, вынимая руки из карманов и согревая их дыханием.

– Я ничего не покупаю, – отрезал он и собрался закрыть дверь.

– А я ничего и не продаю. Нельзя повесить ценник на охрану законности, мистер Бэнкс, – весело возразила она, и он снова распахнул дверь.

– Простите?

Она протянула руку:

– Старший инспектор уголовного розыска Барри. Мне позвонила Хэтти Браун и сообщила о краже в вашем доме. Мой сержант там паркуется. Он пока не вполне освоил парковку задним ходом. – Она указала большим пальцем себе за плечо, и только теперь он заметил молодого человека в костюме, выбиравшегося из машины.

– Проходите. – Он пожал ей руку и сделал шаг назад, пропуская ее и сержанта, который бегом догнал Барри и переступил порог, едва кивнув Герману.

– Какой у вас красивый дом! – заметила инспектор Барри, оглядываясь. – Я никогда здесь не бывала, даже в музее. Я не большой любитель чтения, ничего длиннее сводки преступлений мне, пожалуй, не осилить. Добрый доклад судмедэксперта на сон грядущий – что может быть лучше, а, Максвелл? – Она прищелкнула языком и обернулась к сержанту. – И все-таки мне кажется, здесь стало гораздо приятнее, чем раньше. Ой, извините, я вас не представила. Мистер Бэнкс, это Максвелл, наш стажер. Он целый день ездит со мной, чтобы понять, хочется ему стать полицейским или нет.

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: https://tellnovel.com/sesiliya-ahern/devushka-v-zerkale-sbornik-kupit

надано
Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: Купити